

Застыв с протянутой рукой, императрица растерянно замешкалась: стоявший напротив Су Цянь лишь молча смотрел на неё, не шелохнувшись. Воздух между ними словно огустел от неловкости.

И раньше казалось, будто мальчик испытывает к ней неприязнь, но прежде он хотя бы соблюдал приличия. Что же стряслось сегодня? Неужто решил даже не притворяться?

Императрице ничего не оставалось, кроме как самой сгладить углы.

— Видно, за эти месяцы Цянь-эр отвык от своей августейшей матери, — мягко проворковала она, пытаясь спасти положение. — Что ж, придётся попросить вана Ляна почаще приводить тебя во дворец, чтобы мы с тобой снова сблизились.

Она уже собралась опустить руку, когда Су Цянь, только что казавшийся безучастным, вдруг метнулся к ней. Приподнявшись на цыпочки, он обхватил её шею обеими ручонками.

Императрица от неожиданности замерла. Опускавшаяся рука несмело приподнялась, прижимая ребёнка к себе.

— Оказывается, мой Цянь-эр тоже скучал по матери. Как же это радует, — выдавила она из себя сухой, натянутый смешок.

Но в то же мгновение макушку пронзила острая боль: будто кто-то с силой рванул за волосы вверх. Императрица изменилась в лице и отпихнула мальчика. В крошечной ручке Су Цяня зажимался её фениксовый венец, на зубцах которого осталась прядь тёмных волос.

Невероятно: ребёнок попросту сорвал корону с её головы!

Она болезненно поморщилась и коснулась растрёпанных локонов, закипая от досады. Вот-вот начнётся вечерний пир, в каком виде она предстанет перед гостями?! Маска любящей матери дала трещину.

— Цянь-эр, что за выходки?! — в её голосе закипела скрытая ярость.

Су Цянь же смотрел на корону с самым невинным видом. А затем шепнул с таинственной интонацией, словно доверив великую тайну:

— Августейшая мать, сегодня вечером быть слишком красивой очень опасно.

Встретившись взглядом с его тёмными, как бездна, глазами, императрица вздрогнула. Сердце ёкнуло, а лицо окончательно одревенело:

— О чём ты говоришь, глупенький? Будь послушным мальчиком, верни венец.

Она протянула руку, пытаясь забрать украшение, но пальцы ребёнка сжались мёртвой хваткой.

Такая сила у маленького мальчика искренне её ошеломила. Чуть ранее собственный сын жаловался, будто Су Цянь толкнул его, но императрица не слишком поверила: хотя Су Цянь и был старше второго принца на пару месяцев, сложены они были совершенно по-разному. Один — крепкий и рослый, другой — хрупкий, щедущий. В любых стычках Су Цянь неизменно оказывался поверженным.

Однако теперь у неё закралось сомнение. Откуда у этого заморыша такая сила? Неужели прошлые поражения были лишь притворной покорностью?

Заметив на её лице тень подозрения, Наследный принц приподнял венец и подошёл ближе.

— Если августейшая мать нарядится так пышно, а посланник засмотрится на вас и заберёт заложницей в государство Цися, мой второй брат станет таким же сиротой, как и я.

Проговорив это, он снова встал на цыпочки и нахлобучил тяжёлую корону прямо на развалившуюся причёску императрицы, заботливо поправив выбившиеся пряди у её висков.

Их взгляды скрестились. Су Цянь прищурился и сладко улыбнулся:

— Но коль вы настаиваете, сын не смеет перечить. В конце концов, этот фениксовый венец куплен ценой множества жизней. Нельзя же допустить, чтобы те люди погибли зря... Правда, августейшая мать?

Глядя в это лицо, разительно похожее на облик покойной императрицы Цзинь Ичжи, женщина почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб.

Неужели Су Цянь проведал о событиях тех лет?!

Едва мальчик удалился, императрица пошатнулась и, сделав несколько неуверенных шагов, судорожно ухватила за каменную скамью. Тяжёлая корона съехала и со звоном рухнула на землю.

Взглянув на упавший к её ногам венец, императрица в ужасе расширила глаза.

У золотого феникса, венчавшего корону, шея была скручена и переломлена!

Пир начался, и под сводами зала зазвучала праздничная музыка. Су Бэйлян то и дело оглядывался по сторонам, пока наконец не заметил знакомую фигурку.

На Су Цяне красовалось шесть слоёв одежды, а сверху была накинута накидка с пышным лисьим воротником. Прежде хрупкий и изящный мальчуган теперь смахивал на тугую меховой кокон; он смешно переваливался с ноги на ногу среди толпы, точь-в-точь неуклюжий медвежонок.

Су Бэйляна даже кольнуло сомнение: а не переборщил ли он со шмотьём для Наследного принца? Впрочем, скоро явится этот старый проходимец — так что пусть терпит жару. Непорочность дороже!

Су Бэйлян поманил его рукой. Заметив этот жест, Су Цянь просиял, прищурился и звонко крикнул на весь зал:

— Августейший дядя!

Голосок прозвучал чисто и мелодично, словно перезвон нефритовых колокольчиков.

Дядя и племянник уселись рядом. Один — холодный, утончённый и чарующий; другой — яркий и прелестный. Каждое их движение казалось сошедшим с древнего свитка, мгновенно притягивая взгляды гостей. Вокруг гремели кубки и велись пьяные речи, но эти двое выглядели так, будто стояли выше суетного мира.

Су Бэйлян выбрал из кушаний лакомство, похожее на шарик из пурпурного батата, и переложил его в пиалу племянника.

— Я ведь велел тебе просто засвидетельствовать почтение и сразу возвращаться. Что тебя так задержало? — тихо спросил он.

— Я и собирался быстро, но встретил августейшую мать, и мы немного побеседовали, — ответил Су Цянь. Посмотрев на десерт, он откусил ровно половину, а остаток с отвращением бросил обратно в пиалу Су Бэйляна: — Приторно!

Глядя на надкусанный шарик, Су Бэйлян намурил брови. Он уже пробовал это кушанье: снаружи хрустящая яичная корочка, внутри нежная тягучая начинка — весьма недурно. Разве дети не обожают сладкое? Кто бы мог подумать, что юному принцу оно не по вкусу.

Но зачем же сбрасывать обрезки ему? Лакомство выглядело размякшим, а по краям наверняка осталась слюна...

Су Бэйлян поддел десерт палочками, намереваясь выбросить, но рука застыла на полупути. В голову пришла тревожная мысль: если он выбросит свежую еду на глазах у ребёнка, разве это

не поощрение расточительства? Как-то педагогически незрело...

Если с детства приучить главного героя к роскоши и мотовству, то, став правителем, он оборёт народ до нитки — беднякам даже на порты денег не хватит!

Не бывать такому. Это разлагает базовые моральные устои!

Воззрившись на отпечаток детских зубок, Су Бэйлян преодолел мучительную внутреннюю борьбу и всё же отправил кусок в рот. В жизни он не доедал за другими, да что там — даже из чужой чашки глотка не делал. Сегодня свершилось невероятное: он доел чужие обноски.

Превозмогая отвращение, Су Бэйлян проглотил сладкий ком практически не жуя, после чего строгим тоном произнёс:

— Впредь не смей перекладывать другим то, что уже надкусил.

Су Цянь пристально следил за движением его кадыка. Взгляд мальчика потемнел.

Он отлично помнил: в прошлой жизни Су Бэйлян органически не переносил ничего, к чему прикасались чужие руки. Он не притрагивался даже к угощениям, которые ему подкладывали в пиалу, не говоря уже о надкусанных кусках.

Су Бэйлян за обе щеки уплетал угощения, а Су Цянь всё сидел и не отрываясь смотрел на него, будто на его лице расцвёл небывалый цветок.

"Эх, глупыш... Поешь сейчас, а то зайвится старый прохвост — и кусок в горло не полезет!"

Су Бэйлян поторопился отправить в рот ещё несколько яств. Пусть ассортимент продуктов в древности уступал современному, изощрённость местной кухни превосходила любые ожидания. К простой варёной редьке подавали пару десятков соусов, а обычная тушёная капуста благоухала так, словно была сдобрена сочным мясом. Искусство дворцовых поваров вызывало искреннее почтение.

Некоторые блюда таяли во рту — настоящий пир богов. Жаль лишь, что под сотнями пытливых взглядов Су Бэйлян не мог позволить себе наброситься на еду. Приходилось соблюдать чин: исполненным достоинства жестом подносить к губам крошечные кусочки и неторопливо пережёвывать. От этой аристократической неспешности он сам уже терял терпение.

"Эх, будь мы наедине, я бы этот поднос до блеска вылизал!"

И винить Су Бэйяна за дикость не следовало: в поместье вана Ляна его ежедневный рацион состоял из тоскливого набора — рис, тофу да постные овощи. Разжиться мясом удавалось с

большим трудом. Каждая совместная трапеза с Наследным принцем превращалась в настоящую пытку: глядя на сочную, зажаристую куриную ножку в пиале мальчика, Су Бэйлян был вынужден уминать пресную зелень, с трудом подавляя рвотные позывы. То были не кушанья, а отвар из горьких трав — дрянь похлеще жареной копытневой полыни!

Наконец-то представилась возможность наесться мяса от души, и пропустить такой шанс он не мог.

Когда Су Бэйлян воодушевлённо приступил к уничтожению стоящей перед ним тушёной свиной рульки, Су Цянь, долго наблюдавший за ним, не выдержал:

— Августейшему дяде так нравится рулька?

Су Бэйлян только что отправил в рот сочный, ароматный кусочек подрумяненной кожицы. Встретившись с пристальным взглядом племянника, он смутился. Неужели он выказал слишком яркую страсть к еде?

Отложив палочки, он слегка прокашлялся:

— Весьма недурно приготовлено.

— Но разве августейший дядя не держит строгий пост?

Су Бэйлян лишился дара речи.

В голове загудело. Откуда опять вылезла деталь, о которой он знать не знал?!

"Эй, я ведь автор оригинала! Проявите хоть немного уважения! Идиотские задания выполняй, да ещё и следи, чтобы канон не поехал... Легко ли мне, по-вашему?! Какая же тягость."

В сложившемся положении оставалось только импровизировать и не краснеть:

— Дело вовсе не в посте. Просто если я буду вкушать мясо, простым людям его достанется меньше. Посуди сам: по законам Дунсюаня все дворцовые припасы свозятся из провинций, а народ платит подушную подать. Если твой дядя откажется от мясных яств, дворцовые расходы сократятся, налоги снизятся, и у простых семей появятся медяки, чтобы купить лишний кусок к своему столу. Разве не так?

Су Цянь не сводил глаз с его лица, выслушав эту пространную речь до последнего слова. Затем задумчиво кивнул:

— Вот оно что... Августейший дядя поистине милосерден.

От этой похвалы Су Бэйляна обдало стыдом. Он не ведал истинных причин вегетарианства прежнего хозяина тела, но мог дать зуб: о благе народа тот думал в последнюю очередь! Впрочем, подобная байка отлично подходила для воспитания в будущем владыке бережливости и любви к подданным.

"Что ж, посчитаем это благочестивым обманом."

Но стоило ему мысленно себя оправдать, как бровь нервно дёрнулась.

"Постойте-ка... А как же я сам?! Если я так красиво сбрендил про благо народа, мне что теперь — до конца дней мясо в рот не брать и уминать жареный копытенёк трижды в день?!"

Пока Су Бэйлян сгорал от запоздалого раскаяния, его мысли прервал тихий возглас почтения.

Обернувшись, он обнаружил рядом Главного управляющего Чжана, личного слугу императора. Облачённый в антрацитово-чёрное одеяние, с мелом убелённым лицом — то ли от природы, то ли от толстого слоя белил — и белоснежной метёлкой-фучэнь в руках, евнух до жути напоминал призрака Чёрного Беспощадного, явившегося за душой. Су Бэйлян аж вздрогнул.

Склонившись к самому уху вана, евнух прошептал:

— Ваше высочество ван Лян, его императорское величество просит вас на аудиенцию. Наедине.

<http://bllate.org/book/20606/2131294>